

Триллер

ОНИ ВЕР ЖИ

Ольга Дерябина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ольга Дерябина

Х-безумие

«Автор»

2017

Дерябина О. С.

Х-безумие / О. С. Дерябина — «Автор», 2017

После начала учебного года одну за другой убили двух студенток математического факультета местного университета. Обе красивые и талантливые, подавали большие надежды в науке. На телах убийца или убийцы оставили странные знаки, начерченные острым предметом. Гибель девушек стала лишь началом череды смертей. Старший следователь Сергей Голдин пытается положить этому конец. Для этого ему нужно решить своё уравнение в растущем круге подозреваемых, разобрав все скелеты в чужих шкафах. Содержит нецензурную брань.

© Дерябина О. С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1. Вторая жертва	5
Глава 2. Тайный отец	21
Глава 3. Наследница таланта	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Вторая жертва

Хмурое небо свисающими рыхлыми телесами, казалось, задевало макушки высоких сосен, нагибающихся под сильными порывами ветра. Периодически по лобовому стеклу стучали крупные капли, словно баба в поле с силой взмахивала рукой, разжимая ладонь с зерном, которое по инерции летело в машину.

Голдин ненавидел это время года. Когда заканчивалась золотая осень в сентябре и до прихода белого покрова («зимней сказки» – как говорят рекламщики) город держали промозглая пасмурная погода, слякоть, дождь, пронизывающий ветер. Не только у психов, но и у здоровых людей в этом природном депресняке могли начаться обострения.

Он пощелкал по каналам радиостанций. Заводные хиты 90-ых с серым антуражем за окном звучали нелепо. На другой волне поставили зауспокойную мелодию, под стать сумрачному субботнему утру. Впрочем, там, куда он ехал, это было как раз к месту. Хотелось чего-то мелодичного, джаза, но его радиийщики не догадались поставить.

Не найдя ничего подходящего, Голдин выключил магнитола, сосредоточившись на дороге.

Сосны держали загородную трассу с двух сторон. Автомобилистов, кто в восемь утра выходного дня сел за руль, было немного. Пешеходов совсем нет – в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Собак, кстати, тоже не было видно.

Старший следователь Голдин вспоминал, как летом по этой же дороге на Сиргеновском тракте возил семью на пляжи, которые простирались за соснами вдоль берега реки. Часть территории закрывали базы отдыха и «пионерские» лагеря. Часть попадала на дачные кооперативы и поселки. Часть оставалась «дикой».

Здесь не надо платить за въезд, но и об удобствах никто не позаботился. Единственное удобство – сортир под ключ в кафе с ежегодно растущей таксой. Или кусты вдоль трассы. При всех этих минусах было несколько плюсов: дикие пляжи ближе к городу, но главное – они заняли более просторные и живописные территории.

Его жена и две дочки пяти и девяти лет (главные достижения к его 33 годам) любили дикие пляжи. Особенно один из них, на который он сейчас и ехал.

В жару к 11-ти утра весь «бесплатный» песок обычно забивался полотенцами, складными стульями, лежаками, надувными матрасами. Голдин вспомнил визг и смех детей, командный голос мамаш, которые заходили в воду по колено и, подперев бока кулаками, сверху вниз смотрели, что творят их чада в искрящейся на солнце воде.

После закрытия купального сезон продолжался. Сюда приезжали парочки, стараясь припарковаться так, чтобы сохранить своё уединение. Любовались пейзажем, а потом друг другом за тонированными или зашторенными окнами.

Романтический сезон начинался с первыми теплыми деньками и заканчивался вместе с золотой осенью. С наступлением холодов этот уголок на берегу оставался брошенным.

Один местный ранним субботним утром забрел сюда. Ну как забрел – топить пришел. Вечером Митя Семёнов крепко напился, отмечая очередную пятницу. Его жена Катя вернулась под утро, где её носило – непонятно.

Говорит, у подружки была. И та, разумеется, подтвердит *легенду*, если он спросит. Но больно довольная Катка пришла с бабских посиделок.

Ревность разрывала. Обиженный муж горько сказал «Прощай» и пошел на речку, подальше от деревни.

Жена не бросилась следом. Эти угрозы она давно перестала воспринимать всерьёз. Каждый раз одно и то же: он уходил, она догоняла, уговаривала вернуться, поверить в верность и выбросить из башки всякую блажь. Потом прекратила бегать – надоело. А благоверный сам возвращался через пару часов. Смурной – то ли от передуманного по пути туда и обратно, то ли с похмелья. А вскоре всё повторялось снова.

Начались «брожения» через полтора года после свадьбы и продолжались столько же. Все спектакли молодая супруга выучила наизусть. Хочешь топить? Валяй, а я хочу выспаться в заслуженный выходной. Лучше б нажираться перестал каждую неделю, чтобы жене не хотелось уходить из дома.

Уйти насовсем давно хотелось. Это ж не жизнь. И детей нет. Хотя, если бы появились, замучил с другим приступом ревности: от кого? точно ли от него?

Проигнорировав очередное «Прощай», молодуха приоткрыла окно, чтобы выветрить хмельной духан, и плюхнулась в кровать, укрывшись своим – свежим, не потным, одеялом. Митя же побрел знакомой тропой подальше от деревни, на пустующий сейчас пляж. Если надумает всё-таки топить, нехорошо, чтобы дети увидели его разбухшее, обезображенное тело. Да и местным неприятно будет лицезреть мертвяка. Вот ведь благородство какое.

Митю трясло на утреннем холоде, он обернулся – нет, никто за ним не шёл. По пути вспоминал всё то, что Катька ему говорила ещё тогда, когда догоняла: накручиваешь, придумываешь, с ума сходишь на ровном месте... Может, он действительно ревновал понапрасну? Может, и смешки за спиной не про его рога, а про его традицию, о которой, конечно, знала вся деревня.

Плохонький ватник (*«новая куртка с прочей одеждой и обувью кому-нибудь пригодится, топить – так в чём не жалко»*) не спасал от порывов и влажности. Так воспаление легких можно получить, если он откажется от своей миссии. Но возвращаться в тепло дома, где так уютно потрескивали дровишки, он пока не собирался. Пока его грели две мысли: надежда, что жена одумается и рванёт за ним, и чекушка в кармане.

Осенняя речка казалась чёрной. Жёлто-серую гамму песка, опавших листьев, пожухлой травы разбавляли тёмно-зеленые сосны. Впереди, у кромки воды, показалось бледно-голубое пятно. Пакет с мусором кто-то оставил? Вот ведь люди, если приехали отдохнуть, то приберите после себя. Самими же противно будет возвращаться в коллективно устроенную помойку – на суше и в воде.

Забыв на время о предстоящей миссии, Митя ускорил шаг в сторону пакета. Иностранная на берегу вещь принимала странные формы. Сердце заколотилось, когда он сообразил, *ЧТО* это.

Девушка. Даже за несколько метров было понятно, что она мертва. Утонула? Умерла сама? Убили? Его затрясло ещё сильнее: от ветра и от увиденного.

Лицо закрывали грязные выющиеся волосы, русые или рыжие. Убитая лежала на животе, руки и ноги были вытянуты прямо. На ней были обтягивающие чёрные брюки, голубой свитер крупной вязки разодран на спине, сама спина в крови, изрезана.

Сердечный мотор заколотил с большей силой, воздуха стало не хватать. Состояние беспомощности – когда не можешь вдохнуть полной грудью – переходило в приступ паники. Митя даже побоялся, как бы инфаркт или инсульт не получить, от них же *умереть можно*.

На ум пришли зарубежные фильмы, когда во время паники герои начинали дышать в пакет. Мысль о спасении заставила сердце сбавить обороты, а дыханию стать более ровным.

Митя пошарил по глубоким квадратным карманам – в углу одного из них забился старый кулёк из-под закуски. Собрав края пальцами, он стал дышать, словно в горлышко, делая выдох более длинным, чем вдох. Об этом, наверное, тоже по «ящику» слышал.

Вроде становилось легче, но колотун не уходил. Он здесь один, на промозглом ветру, перед растерзанным телом.

Мобильник у Мити был с собой – для предсмертной записки через sms. Трясущимися пальцами он набрал номер службы спасения, который автоматически появился в телефонной книжке. Стуча зубами от ветра и страха, он попросил соединить с полицией «или кто у вас занимается трупами». Ему велели подождать, потом другой голос попросил представиться и рассказать, что произошло.

Дождаясь спецов, Митя пил, чтобы согреться и перебороть страх. Он боялся подойти ближе. Боялся шевеления мокрых волос и разодранного свитера от ветра. Казалось, что покойница оживёт и потащит его за собой. Надо же. Меньше часа он думал о самоубийстве, не помня уже – в какой по счёту раз. А сейчас, оказавшись лицом перед смертью, понял, как дорога жизнь.

Устроившись на пне, Митя смотрел на черную речку, теперь казавшуюся еще более зловещей, периодически переводя взгляд в сторону трупа. Думая, что могло произойти с той, останки которой сейчас лежали на пляже. А также о своей судьбе, о своей жене, о том, что делать дальше. Убывающая чекушка не давала ответов.

Он потерял счет времени, когда послышался звук моторов. К месту стали подъезжать разные машины. Один из мужчин, ежась на ветру, направился к Мите. Тот поймал на себе оценивающий взгляд. То ли думают, что он убил. То ли прикидывают, насколько он пьян. Или и то, и другое разом.

Человек показал удостоверение в красной обложке:

– Вы звонили?

– Я.

– Спасибо, что дождались. Пойдемте в машину, погреемся.

Митя чуть шатающейся походкой – замерз? боится? ноги затекли? пьян? всё вместе? – пошёл следом. Человек впереди обдумывал, столько выпил свидетель (*или убийца*), как быстро его разморит в тёплом салоне и сколько времени этот салон придётся проветривать.

Смотря под ноги, Митя краем глаза увидел, что к мёртвой девушке направились какие-то люди в перчатках и чемоданчиками.

А чуть позже затрезвонил телефон Сергея Голдина. Известие вырвало его из выходной неги:

– У нас, похоже, вторая жертва, – сообщили старшему следователю.

Голдин приехал на пляж, когда Митя храпел на заднем сиденье служебной машины. Старший следователь заглушил мотор, надел тёплое пальто, укутался шарфом. Морально подготовившись к пощечине холодом, он открыл дверь. Порыв ветра, казалось, готов был её вырвать.

Голдин с трудом захлопнул машину, прикидывая, что накопленное во время пути тепло выветрилось за несколько секунд. Из-за высокого роста – до двух метров не хватало меньше десятка сантиметров – создавалось ощущение, что ему ещё больше доставалось от осенней непогоды.

По очереди поздоровавшись с коллегами – молча, только за руку, – он направился к линии чёрной речки. Там, где летом дети лепили замки из песка, сейчас лежала девушка. Грязная, мокрая, мёртвая.

– Дождь в помощь, – усмехнувшись, поприветствовал следователя судмедэксперт Мирон Степанович Триницкий. – Ночью сильный ливень был. Если и были следы на песке, всё смыло. Ладно, что свидетель, – Мирон кивнул в сторону автомобиля с запотевшими окнами, – додумался не подходить близко, не натоптал.

– Кто он?

– Местный, – ответил незнакомый мужчина, который тут же представился: – Виктор Разин, участковый. А это, – он кивнул в сторону машины, – Митька Семёнов. Балбес местный да пьяница. Дома молодая жена, а он пьет и от ревности с ума сходит. А потом ходит топиться. Стабильно пару раз в месяц, а то и чаще.

– Сегодня тоже топиться пришёл?

– Ага, суббота же. Сколько раз мозги ему вкручивали и жена, и я, и деревенские – без толку. Может, сейчас остепенится.

– Девушка – не местная?

– Не похожа. Проверю, конечно, вдруг приехала к кому-нибудь в гости.

– Покажи, – сказал Голдин. Он присел и достал мобильник.

Триницкий осторожно убрал мокрые волосы. Красивая девушка, светло-серые глаза открыты, на лице застывшее отчаяние. Следователь сфотографировал её.

Поперек шеи убитой след – от верёвки или чего-то подобного. Кровоподтеки на руках и голове. Свитер на спине разорван, с боков торчат края чёрного лифчика. Спина в крови и воде, мелкие порезы перечеркивали две жирные линии: от лопаток до противоположного бока поясницы. Или наклоненный крест, или буква «Х», или знак мишени.

– Об коряги могла так порезаться?

– Раны слишком глубокие и направленные. И свитер порван тоже направленно.

– Арматура на дне?

– Исключать не будем, конечно, но строительного мусора здесь не должно быть. И берег регулярно чистят «зеленые». Вообще, я склонен предположить, что её не прибило к берегу. Девушку оставили здесь.

Триницкий помассировал горло, начинающее першить на ветру.

– Не хочу давать вам ложную надежду или, лучше сказать, дополнительную головную боль, – продолжил он. – У Ксении Гудковой подобные раны. Если и была арматура, то в руках убийцы. Но это не арматура, как вы знаете. Какой-то инструмент с тонким острым кончиком. Возможно, повреждены ребра.

– Её так, – Голдин кивнул на спину, – при жизни?

– Я склонен думать, что да. Просто звери... Но она сопротивлялась.

– Звери или зверь, – Голдин задумался. – На изнасилование не похоже – брюки целы, однако проверить все же надо, – судмедэксперт кивнул. – Сумки рядом нет?

– Практиканты прочёсывают лес. Пока ничего не нашли. Документов, ключей, телефона тоже.

– То есть мы не знаем, кто она, – констатировал Голдин.

– Не знаем, – ответил Триницкий.

– Надо выяснить, заявлял ли кто о пропаже девушки, – следователь сказал это, продолжая смотреть на растерзанное тело. Боковым зрением он увидел, как молодой следак Паша Мерцалов направился в сторону машины.

– Давно она мертва?

– Думаю, умерла до полуночи. Точнее скажу позже.

– Накрой её, – попросил Голдин, подняв широкий ворот пальто, достающий до первой седины в темных висках. Впрочем, от ветра, который словно с цепи сорвался, это слабо защищало.

Он пошёл вдоль берега, вспоминая летний детский смех, весёлые зайчики, прыгающие по воде. Голдин держал курс в сторону сосен, когда услышал вой за спиной. Не плач, не крик, а именно вой.

Молодая женщина в старой куртке с капюшоном, джинсах и резиновых сапогах упала на колени на песок и, закрыв лицо руками, выла.

– Прости, прости, прости меня! Какая же я дура, – женщина продолжала выть.

Участковый бросился к ней.

– Катя. Катя! – Разин несколько раз тряхнул её, пытаясь привести в чувства. Та его не слышала, продолжая выть.

– Как же мне теперь жить с этим?! – слезы градом лились по щекам.

– Катя! Это не он! Не он, слышишь, Катя! – участковый пытался докричаться до женщины.

– Не... он? – женщина растерялась. Она посмотрела на участкового, под её глазами продолжали расти мокрые разводы.

– Твой вон в машине спит, – участковый показал в сторону припаркованных автомобилей.

В одной из них на плотно запотевшем стекле появилась чёрная дыра, через которую проснувшийся от воя Митька наблюдал за женой. Любит, значит, стерва, ухмыльнулся он. Вот локти-то б кусала, если бы он действительно покончил с собой.

Потом перевёл взгляд на пленку или ткань, которой прикрыли тело, и похолодел от мысли: ему уже было бы всё равно от этих слез. Вообще, до всего всё равно.

Голдин возвращался в город. Если это вторая жертва, то искать её нужно там же, где была первая.

Странное ощущение, но дорога обратно всегда занимает меньше времени. Седан с ромбиком над бампером ровно гудел, направляясь в историческую часть областного центра, где находился региональный университет.

В кармане ожил телефон. Следователь знал, чей голос он сейчас услышит.

Не глядя на дисплей, он ответил начальнику:

– Слушаю, Михаил Сергеевич.

– Ты чё, издеваешься? – Волынский был зол. – Это я слушаю.

– Есть жертва, возможно, что вторая, личность ещё не установлена. Вещей при себе не было. На спине знак – две перечеркнутые линии.

– Что собираешься делать?

– Еду в университет.

Начальник подумал и добавил уже более спокойно:

– Хорошо, отзовишься потом.

Парковка возле вуза была почти пуста: редкие студенты по субботам ходили на пары и в библиотеку, пока не грянула сессия. Накинув пальто и подняв воротник, Голдин быстрым шагом направился в сторону парадного крыльца.

Театр начинается с гардероба, «альма матер» – с помещения, огороженного толстым стеклом, переходящим в холл. К нему давно привязалось название «аквариум» или «предбанник», которое поддерживало не одно поколение студентов.

За стеклом стояло несколько человек. Увидев Голдина, они тревожно зашептались. Следователь увидел реакцию, и, закрыв за собой массивную деревянную дверь, направился напрямик к ним.

– Есть чё? – спросил он студюзов без тени улыбки. Пусть думают сами – наркотики, припрятанная взятка для преподав, информация об убитых или убийце.

– Здрассьти, – растерянно поздоровалась темноволосая девушка с прямой челкой до бровей. – Что именно?

– Информация. Про вашу студентку...

– Мы знаем... Слышали... Все слышали, не только мы, – покраснел белобрысый парень, боясь навлечь на себя подозрение. – И что вы следовательно, тоже все знают.

– Да? Чудно-то как, – ухмыльнулся Голдин. – Что ещё говорят?

– Что Ксюшу убили, задушили.

– Но мы с ней не общались. У нас даже потоки разные, – стала оправдываться девушка.

– А у кого потоки одинаковые, что говорят?

– Н...ничего, – запнулась девушка.

– Вчера никаких вечеринок не намечалось?

Студенты подумали.

– Вроде нет, – пожала плечами девушка. – Если только компаниями решили затусить.

– погоди. Первокурсники ж собирались устроить своё посвящение на турбазе. Слышал, что вторые-третьи курсы приглашали их поддержать, – ответил третий парень – в клетчатой рубашке и вязаной шапке, из-под которой торчали выющиеся пряди. – Помнишь, флаеры ещё раздавали.

– А второкурсники как? Согласились?

– Не знаю, – парень пожал плечами. – Молодняк суетился, второкурсники ровно, то есть без энтузиазма, реагировали.

– А вы с какого курса?

– С четвертого.

– Не знаете, из девушек никто не пропадал? – Голдин обдумывал, стоит ли студентам показывать фото убитой. Но решил, что не стоит. Девчонка и так готова в обморок шлёпнуться.

– А у нас студентка пропала? – брюнетка с ужасом посмотрела на следователя.

«Да, точно не стоит».

– Возможно.

– Утром в субботу вряд ли кто может сказать: все ли на месте. Универ полупустой. Если в понедельник хватятся. Хотя могут подумать про больничный, – ответил парень в шапке.

– В общем, так. Если что-то узнаете – позвоните мне, – Голдин похлопал по карманам, маленькая визитница оказалась в нагрудном. Щёлкнув замочком, он достал один из прямоугольников с ф.и.о. и координатами.

Все трое держали руки при себе. Кому же из них отдать? В шапке – парень собранный и в теме. Но девчонка ответственная и боится, больше шансов, что позвонит, если действительно что-то станет известно. Голдин аккуратно вложил визитку в её карманчик пиджака. Посмотрел в глаза девушки:

– Я надеюсь, что никто не будет утаивать информацию, которая поможет найти убийцу и избежать новых жертв, – последнее слово он выделил.

После этого резко развернулся и направился к посту охраны, на ходу открывая удостоверение. За время поисков преступника, расправившийся со студенткой, все смены охраны успели его узнать. Так что красную книжицу даже не стали рассматривать и записывать данные в журнал. Охранник – Валера, кажется – кивнул и щёлкнул по кнопке, загоревшаяся зеленая стрелка показала путь вперед.

Перешагивая через ступеньку, Голдин поднялся на второй этаж и направился к знакомой двери, без стука открыл её. Секретарша Настенька вздрогнула от неожиданности. Специфический запах выдал, что она красила ногти прямо на рабочем месте.

– А, это вы, – выдохнула она. – У него сейчас дополнительные занятия, через полчаса закончатся. Подождите, пожалуйста, в коридоре.

– Хорошо, – согласился Голдин, – и простите за смазанный ноготь.

Не дожидаясь, что ответит секретарша, он закрыл дверь, оставив внутри противный едкий запах.

Голдин направился к небольшому холлу с диванами и стендами с фотографиями. Аудитория, где обычно преподавал заведующий кафедрой математического анализа, находилась рядом.

Дверь была открыта. Ровный голос повествовал о каких-то закономерностях в уравнениях. Следователь пытался вникнуть, о чём идёт речь, но почувствовал себя инопланетянином на чужой планете, где общаются на незнакомом ему языке. «Мозг можно сломать», – подумал Голдин, «отключив» содержание, «оставив» лишь монотонный звук.

Дожидаясь окончания пары, следователь стал рассматривать фотографии – вдруг на них есть убитая. Типичные кадры – за партами, на сцене, в библиотеке, какие-то конференции. Лица маленькие, их много, не рассмотреть.

Решив, что поиск ничего не даст, Голдин сел на диван, с удовольствием вытянув длинные ноги. Пока студенты не рванули из аудитории, можно расслабиться без опаски, что кто-то споткнется и грохнется.

Долго ждать не пришлось. Резкий звонок оборвал преподавателя на полуслове, тут же послышался шум и гам. Маленькие школьники через дюжину секунд снесли бы всё на своем пути. Молодые люди и девушки – *студенты!* – вели себя по-взрослому, степенно. Даже те, кто собирался успеть на перекур.

Несколько человек окружили преподавателя – Александра Леонидовича Вишнякова. Он, как всегда, держался свободного стиля, но был элегантен. В бордовой водолазке, бежевом пиджаке, коричневых брюках в клетку и с коричневым кожаным портфелем. На носу очки в черном модной оправе, на висках, как и у Голдина, первая седина. Он выглядел моложе своих 35 лет, хотя в конце рабочей недели был явно уставшим. Возможно, что пользовался популярностью у студенток.

Сейчас рядом находились четыре девицы, ещё одна стояла поодаль. Преподаватель что-то негромко рассказывал, студентки смеялись. Та, что поодаль, ревниво наблюдала за всем. Наконец, Вишняков увидел ожидающего следователя и поспешил попрощаться с девушками.

Когда те развернулись к выходу, ожидающая в сторонке направилась к преподавателю. Она была маленького роста с тоненькой талией, которую подчеркивало приталенное платье с пышной юбкой ниже колена. Тёмно-русые завитушки длиной около десяти сантиметров напомнили ему модные прически вековой давности. Да и вообще образ молодой девушки был словно из прошлого.

– Софочка, у вас все в порядке? – заботливо поинтересовался Вишняков. – Вы сегодня очень бледная.

– В такую погоду у меня простуда и мигрень, – без эмоций ответила девушка.

Она хотела ещё что-то добавить, но увидела следователя. Скомкано попрощавшись, студентка направилась к выходу. Голдин не мог понять, что его насторожило в девушке. Взгляд зафиксировал толстый слой пудры и перчаточки на руках: она их не снимала даже в помещении.

Студентка вышла из аудитории, не закрыв дверь. Возможно, что осталась подслушивать, хотя на сплетницу не подходила.

Вишняков поздоровался со следователем, провожая «девушку из прошлого» взглядом:

– Бедная девочка. На первых курсах подавала большие надежды. Но на третьем что-то изменилось. Может, сказало замужество. Мне кажется, она несчастна в браке, а муж руки распускает. Бывает, что она приходит «загримированная». Сколько раз я предлагал помощь нашего университетского психолога. Есть ещё специализированные центры, причем, всё бесплатно. Однако достучаться до неё не могу. Жалко до боли, а что поделать? Полицию вызывать

без ее ведома? И о репутации не надо забывать, – профессор вздохнул. – Однако вы не по поводу Софочки пришли. Есть новости по Ксюше?

– По Ксюше – нет. А Софочка, по-моему, сильно хотела с вами поговорить. Найдите время для неё.

– Да, вы правы. Обязательно поговорю, девочке нужна помощь.

– На каком она курсе?

– Четвёртом.

– Пригласите в аспирантуру. Может, способности снова проявятся.

– Возможно, – задумался преподаватель. – Так что вас привело в университет?

Голдин достал телефон и открыл фотогалерею. Щелкнул по нужному кадру и повернул экран к преподавателю.

– Нашли сегодня утром. Убита вчера поздно вечером. Ваша?

Руки у профессора задрожали. Он взял телефон, увеличил кадр.

– Да. Лена Смирнова, второкурсница, – Вишняков растерянно посмотрел через очки на Голдина. – Что происходит? Кому нужно убивать наших девочек?

– Давайте присядем, – предложил следователь, глядя на побледневшего преподавателя. – Что вы можете рассказать о ней?

– Хорошая девушка, талантливая студентка. Успела выступить на нескольких конференциях и форумах. Вчера... нет, позавчера она подходила ко мне с планом будущей курсовой. Очень толково для второго курса, она вообще неординарно мыслила. Я, помню, её похвалил – было за что похвалить. Если бы продолжила в том же духе, добилась больших успехов.

– Кавалеры, тусовки?

– Преподавателю об этом, конечно, не докладывают, а завкафедрой тем более. Но ухаживаний я не замечал. Занятий, насколько помню, она не пропускала. Хотя можем вместе посмотреть табель.

– Разумеется, посмотрим, и телефоны родных. Студенты рассказали, что первокурсники вчера вечеринку устраивали.

– Да, в «Острове» должны были собраться.

– На том же тракте нашли тело Елены Смирновой...

– Как ее... убили?

– Задушили, растерзали спину.

– Ужас какой, – профессор ещё больше побледнел. – Что мне делать? Если это маньяк, появятся новые убийства?

– Надо провести лекцию со студентами. Предупредить их об опасности. Чтобы не сплетни собирали, а звонили кому следует. Мне, то есть.

– Когда их собрать?

– Давайте сейчас. Это возможно?

– Да, у нас есть громкая связь, и самая большая аудитория свободна по субботам.

– Скажите, а с Ксенией Елена была знакома? Их могло что-то связывать?

– Они на разных курсах учились. Ксения на год старше... была. Но обе посещали дополнительные факультативы, если только там...

– Ладно, давайте собирайте студентов, кто сейчас на месте.

Они оба направились к выходу. Голдин прислушался – звуков удаляющихся шагов не было. Какой-либо секретной информации следователь не озвучил, однако не хотел лишних ушей раньше времени.

Голдин шёл за профессором в его кабинет. Секретарша недовольно посмотрела на него. В приёмной было прохладно, едкий запах лака из помещения выветрен.

– Настенька, сделай нам кофе, – попросил профессор, кладя портфель на стол. На клавиатуре он щелкнул «Enter», подождал, когда на рабочем столе загрузятся все ярлыки.

– Ох, Лена, Лена, – вздыхая, он начал поиск нужных документов. Через пару минут на экране появился электронный табель.

Голдин пробежался по строчкам. «Энок» не было, в графах только хорошие оценки.

– Умницей была, – снова вздохнул профессор.

– В прошлом году также хорошо было? – уточнил Голдин.

Профессор застучал по клавишам, на экране появился табель за первый курс студентки.

– У неё и экзамены все на «отлично», – профессор смотрел в монитор.

– Телефон родных с адресом напишите.

Вишняков развернул монитор к себе. Вырвал листок из ежедневника и записал адрес с телефоном.

– Вы сами сообщите о случившемся?

– Сами, – подтвердил Голдин.

Профессор задумчиво посмотрел в окно, видимо, представляя, каково это – сообщать родителям о смерти их ребенка.

– Мне нужно некоторое время, чтобы организовать студентов. Вы пока попейте кофейку, – и, не дожидаясь согласия, Вишняков направился к выходу, оставив Голдина в своем кабинете.

Следователь маленькими глоточками пил ароматный напиток, чувствуя «дежавю». Он сидел на этом же стуле две недели назад, когда убили третьекурсницу матфака.

Тело Ксении Гудковой нашли ранним утром в понедельник в районе местной набережной. Здесь обычно устраивали пробежки, прогулки с селфи- и скандинавскими палками. ЗОЖ-марафон начинался с рассветом и заканчивался с закатом. Даже «нелетная» погода не удерживала спортсменов-любителей дома. Максимум они могли сократить расстояние спорт-тайму.

Валерия Крашева наоборот, не уменьшала, а увеличивала расстояние, захватывая протоптанную тропинку вдоль берега. В перспективе официальная набережная должна дойти и сюда, сейчас же у рыбаков и парочек оставался свой уединённый уголок недалеко от центра.

Неделю Валерия была в командировке. Спортивную сумку с формой и кроссовками она всегда брала с собой, устраивая пробежки в чужих городах и селах. Но всё равно её не покидало чувство, что она отлынивала. Пробежки на незнакомой территории всегда оказывались меньше из-за боязни заблудиться или опоздать на очередную встречу. Поэтому по возвращении молодой специалист усиливала нагрузку на привычной тропе.

Этим утром она пробежала дальше обычного. Дожди ещё не начались, стучи да стучи кроссовками по твердой пыльной поверхности. Правда, вскоре ей стало не по себе. Где-то выше шумел просыпающийся город. Она же здесь совсем одна. Если встретит злоумышленника, некого будет позвать на помощь.

На всякий случай Лера обернулась, но никого не увидела. Проверила мобильник – сеть и заряд присутствовали. Засеменила кроссовками дальше, смотря под ноги и на осеннюю реку. Скоро вдоль берега появится первый лед, который будет постепенно стягивать чёрную поверхность своими клешнями. Потом белое покрывало начнет бороздить лыжами, санками, снегоходами. В сторонке обоснуются укутанные мужики с маленькими удочками и громоздкими бурами.

Когда взгляд с речки соскользнул на потемневшую траву у берега, Лера увидела лежащего человека. Она не могла разобрать – кто это: мужчина или женщина. Может, он или она спит. Успокоенный несколько минут назад страх вернулся с новой силой.

Осторожно, стараясь не шуметь, Лера подошла поближе. Показалось или это кровь?

– Э-эй, у вас всё в порядке? – тоненький голосок дрожал. – Холодно так лежать.

Силуэт не шелохнулся. Лера сделала ещё пару шагов, достала мобильник, увеличила кадр и сделала фото. От увиденного она выронила телефон. Обернулась – вокруг ни души, не считая лежащего тела. Девушка схватила смартфон и рванула к городскому шуму.

Лера сама не поняла, как забралась по высокому обрыву. Ладони, колени, кроссовки и даже живот были в пыли, но на эти мелочи она не обращала внимания. Убедившись, что никто за ней не гонится, и никого подозрительного рядом нет, она снова подошла к краю обрыва и посмотрела вниз. Силуэт оставался на месте.

Лера набрала номер полиции.

– Дежурный Миронов, что у вас случилось?

– Мне кажется, я нашла тело, – Леру начало трясти. Она с трудом улавливала вопросы, которые звучали на том конце провода, что-то отвечала. Кажется, попросили подождать.

Ждать рядом она боялась. Перешла через дорогу и села на крылечко закрытой галереи, обняв себя руками.

Машина с мигалкой подъехала достаточно быстро. Какой-то человек подошёл к спортсменке, она видела его смутно, словно через пелену. Всё происходило как в кошмарном сне, когда пытаешься от кого-то убежать, что-то прокричать, но не можешь пошевелиться и произнести хоть звук.

– Вон, там, – она указала пальцем к обрыву, услышав собственный голос словно из другого измерения.

Человек что-то сказал, его голос успокаивал. Мужчина аккуратно поднял девушку и повёл её к служебному автомобилю.

– Всё хорошо, по крайней мере у нас. Сейчас мы сядем в машину, включим печку, чтобы согреться, – полицейский понимал, что девушка находится в шоке, не хватало усугубить.

Позже на место вызвали Голдина. Он с берега посмотрел путь, который преодолела бегунья, направляясь вверх. Скорее всего она шла, ползла, бежала по той же траектории, по которой скатывался труп. Внизу на выступе он подскочил и отлетел к берегу.

Погибшая была красавицей. Рыжие волнистые волосы ниже плеч, немного веснушек, зелёные глаза открыты. На шее поперечный след – от верёвки или чего-то подобного. Такие же следы на пальцах, видимо, убитая пыталась ослабить хватку и спастись. Ссадины от падения или от борьбы с убийцей.

Девушка была в легких джинсах, удобных ботиночках, синяя куртка с капюшоном расстегнута, под ней белый свитер в крови. Голдин осторожно попытался его поднять. Ткань послушалась только частично, дальше её держала прилипшая кровь.

– Не трогай, – сказал судмедэксперт Мирон Степанович. – Ещё неизвестно, что там сохранилось.

Сумочки или рюкзачка при убитой не оказалось. В карманах куртки пара сотен, несколько монет и проездной студенческий на имя Ксении Гудковой.

Так Голдин впервые переступил порог местного университета (сам он учился в другом городе) и познакомился с профессором Вишняковым.

Заведующего кафедрой настолько потрясла новость об убийстве, что он с трудом удержался на ногах. Настенька засуетилась у аптечки, отмеряя капли со специфическим запахом лекарства в прозрачный стакан.

Убитая училась у него пару семестров, дополнительно занималась на факультативах. А после успешных выступлений на научных мероприятиях её саму определили в студенческое жюри. Судьей хрупкая Ксения оказалась строгой. Поэтому даже ребята со старших курсов побаивались её острого – хотя и по делу – языка.

Летом они перезванивались – Ксения консультировалась по научной литературе «для домашнего чтения», а потом готовила статью в журнал.

Глядя на растерянного профессора, Голдин в сотый раз почувствовал, каким толстокожим стал на своей службе.

Семья Гудковых жила в одном из первых микрорайонов города, где старые «хрущёвки» с пошарпанными пансионатами соседствовали с новостройками. По интернет-карте следователь нашёл нужный адрес. Панельная девятиэтажка оказалась рядом со спорткомплексом и местным гипермаркетом. Голдин вышел из машины и посмотрел на окна. На четвертом этаже шелохнулась шторка. Возможно, та самая квартира, где жила убитая.

В домофон звонить не пришлось: дверь с писком открылась, и на пороге появилась старушка с мохнатой болонкой. Открыла было рот с вопросом «вы к кому?», но, посмотрев в глаза высокого незнакомого мужчины, передумала спрашивать и, что удивительно, пошире открыла дверь, пропуская незнакомца.

Он решил подняться пешком до нужной 12-ой квартиры. Заодно осмотреть подъезд – вдруг есть что-то, имеющее отношение к убийству. По пути задумался: сколько раз ему приходилось приносить дурные вести. Эта семья последние минуты живёт своей обычной жизнью. И ему предстоит разрушить эту гармонию и надежду, что с девочкой может быть всё в порядке, даже если она не позвонила и не пришла ночевать.

Нужная квартира находилась на третьем этаже. После мелодии звонка блестящая деревянная дверь открылась. На пороге стоял полноватый мужчина с пышными усами. Вид помятый: ночь, наверное, не спал. Рядом появилась невысокая женщина. На её миловидном лице с серым оттенком застыла тревога.

Голдин достал удостоверение.

– Семья Гудковых? – спросил следователь.

Женщина посмотрела на удостоверение, и слезы покатились из глаз.

– Что случилось?

– Можно, я войду? – не дожидаясь ответа, следователь перешагнул порог и прикрыл дверь. Интуитивно они уже знали: что именно им сообщит незваный гость. Это всегда сложно произнести, каким бы толстокожим себя не считал. Молчание, казалось, длилось вечность, когда он произнес самые страшные слова:

– Вашу дочь убили.

Отец обнял жену, чтобы быть ближе в этот горький момент и опасаясь, что та может лишиться чувств. Оба пытались осознать значение этих трёх слов. *Вашу дочь убили. Её больше нет. Ничего нельзя исправить.*

Мать завывала, уткнувшись в грудь мужу. Тот смотрел на Голдина из-под бровей, которые практически закрывали глаза.

– Вы уверены?

– В университете подтвердили.

– Как это произошло? – прохрипел отец.

– Сейчас выясняем все обстоятельства. Предварительно – удушение.

– Она... не мучилась?

Что ответить родителям? Скорее всего, дочь пережила настоящий ужас, прежде чем умереть. Пока неизвестно, что под свитером с запекшей кровью.

Мать с отцом ждали ответа. Женщина на миг замолчала, с надеждой смотря на следователя.

– Боюсь, что это не так, – следователь решил ответить честно и сразу. Легче один раз пережить шок, чем вдвойне травмировать и без того несчастных людей. Всё равно рано или поздно узнают обстоятельства смерти их дочери.

Они ещё некоторое время стояли в коридоре: отец прижимал мать, плечи которой тряслись в рыданиях. Следователь не торопился.

Самое страшное для родителей узнать о смерти их детей. Самая большая несправедливость – хоронить тех, кому жить и жить, но жизнь которых оборвала рука убийцы.

Через несколько минут отец похлопал жену по плечу, словно маленького ребенка, которого нужно успокоить.

– Алевтина, Алевтина, следователю нужно задать свои вопросы, чтобы разобраться во всём, найти убийцу.

Голдин коротко кивнул. Не отпуская жену, хозяин направился в ближайшую комнату – зал, жестом предлагая следователю последовать за ними.

Убедившись, что дверь закрыта (по привычке – и от воров, и от подслушивающих), Голдин разулся и прошёл в гостиную.

В комнате было уютно. Здесь сохранилась мебель-«стенка», один из главных атрибутов советских квартир; «дутые» диван и кресла – писк моды 90-ых; мягкий коричнев0-бордовый ковёр и портьеры в тон ему. Над диваном развешаны фотографии в больших рамках, центр занимал портрет счастливой Ксюши.

– Меня зовут Голдин Сергей Александрович, я старший следователь.

– Савелий Матвеевич. И Алевтина Васильевна.

Возникла неловкая пауза. Обычно в этом месте говорят «очень приятно».

– У Ксении были враги?

– Что вы, какие враги! Она же такой солнечный человечек... На первом месте учеба.

– А как же отдых, весёлая студенческая жизнь? Дискотеки, вечеринки?

– Она об образовании и своём будущем думала. А сколько раз была на дискотеках – можно пересчитать по пальцам.

– В последнее время не было перемен в её поведении?

Отец задумался. Голдин понял, что попал в точку.

– Вроде всё как прежде. Взрослеть, конечно, начала. Хотела своего личного пространства, больше свободы.

– В чём это выражалось?

– К примеру, просила стучать, прежде чем войти. Раньше такого не было. Хотя раньше и она была младше. По телефону если кто-то звонил, то уходила в свою комнату. Пароль поставила, чтобы мы не увидели её звонки и переписки.

– То есть появились какие-то секреты, – констатировал следователь.

– Я думаю, это возраст такой. Подростком Ксюша была спокойным. Ну фыркнет пару раз, глаза закатит. Но ничего такого серьезного. Ни алкоголя, ни сигарет, ни наркотиков, что перепробовали её сверстники.

– Вы думаете, что сейчас она могла начать?

– Нет, – тут же ответил отец. Подумал и повторил: – Нет. Мы бы и запах почувствовали, и поведение от наркотиков другое.

– Бывало, что дома не ночевала?

– Бывало, но нечасто. Мы, конечно, переживали – всё ли в порядке. Все родители, наверное, через это проходят. Детям этого не понимают, пока сами не занимают наши места. Знаю, что периодически ночевала у подруги, ездили к ней на дачу.

– Не появились ли в её поведении испуг, настороженность?

– Ксюше скорее стала более задумчивой. Но она сейчас готовит научную статью, а в этой математике сам чёрт ногу сломит. У них если обнаружится хоть маленькая неточность – заключают, несмотря на юный возраст и малый опыт. Я думаю, что дело в этом.

– Вчера Ксения как провела день?

– Утром отправилась в библиотеку, потом хотела прогуляться. Вечером отправила sms: «Не теряйте и подмигивающий смайлик». Я потом пытался до нее дозвониться, но телефон был выключен.

– Такое сообщение было характерно для Ксении?

Отец подумал:

– Она бы еще кучу цифр дописала и «извиняшек». Современный сленг – наверное, знаете. А здесь только два слова... Вы думаете, что писал убийца?

– Не исключено. Скажите, в чём дочь была одета?

– В курточке с капюшоном, белом свитере, джинсах. Была с синим рюкзачком. А что? Её нашли... без одежды?

– В одежде и, судя по всему, всей. Но рюкзачок пропал. Мне нужен её номер и номер подруги, у которой она ночевала. И ещё фотографии – самой Ксении и сумки. Посмотрите, наверняка есть.

Отец осторожно освободился от объятий жены. Та осталась сидеть, обхватив себя руками, уставившись в какую-то точку на ковре.

Глава семейства направился в комнату дочери. У порога остановился, взялся за ручку. До него начало доходить, что хозяйка комнаты больше не вернётся. Не бросит на кровать свой рюкзачок и не плюхнет рядом, разбросав по подушке рыжие кудряшки.

Савелий Матвеевич зашёл в комнату – тихо, словно боясь кого-то разбудить. Голдин осмотрелся. Типичная комната для девушки-студентки. Заправленная зелёным покрывалом полутораспалка в углу, зелёные шторы. Два шкафа. Один явно для одежды, второй полон книг. Голдин прошёлся по корешкам – немного классики, немного женских романов и детективов. Большую часть занимала профессиональная литература.

На столе стопка толстых тетрадей, хаотично вставленные в карандашницу ручки, линейки, карандаши, циркули. В центре стола лежал закрытый ноутбук. Голдин отметил, что у компьютера пароля не было, хотя на телефон Ксения его установила.

– Это я попросил не ставить пароль, – на мысленный вопрос следователя ответил отец: – Мы с матерью любим посмотреть фильмы через Интернет. Жена дома уже несколько лет сидит. В прошлый кризис сократили, найти другую работу не смогла. Опыт есть, но тем, кому за сорок, сложнее найти работу. Потом как-то привыкла быть дома. Я пенсионер по выслуге, продолжаю подрабатывать, пока есть силы и здоровье.

Савелий Матвеевич нашел в компьютере папку с фотографиями и начал их листать. Медленнее и медленнее, с каждым кликом всё сильнее осознавая, что его дочери – красавицы и умницы – больше нет. На память остались только эти фотографии.

– Давайте постараемся собраться, – мягко попросил следователь. – Мне нужны снимки, в том числе для сообщения в СМИ. Нужны свидетели – где Ксению видели в тот день.

– Вы найдете его? Убийцу?

– Найдём, – Голдин посмотрел в глаза отцу. Он не сомневался в своих словах.

Найдя нужные снимки, следователь сбросил их себе на телефон. Тот начал вибрировать. Отец недовольно посмотрел на аппарат. Голдин увидел на экране – «Триницкий».

– Извините, но это может быть важно, – следователь провел по экрану вправо, отойдя к окну, из которого был виден хмурый двор, засыпанный осенней листвой. – Слушаю, Голдин.

– Убитая была беременна, – сообщил судмедэксперт.

...Спустя две недели Голдин пил кофе в ожидании встречи со студентами в кабинете завкафедрой. За дверью раздавался приглушенный голос Вишнякова, судя по наставительному тону, он давал поручения секретарше.

Затем по громкой связи озвучили сообщение для всех студентов матфака с просьбой собраться в лекционном зале №411. Так как это очень важно, необходимо отнестись к собранию со всей серьёзностью. Приглашались студенты и с других факультетов – всех, кто слышал данное объявление.

Ещё немного поручений в приёмной, и дверь резко распахнулась, на пороге появился Вишняков.

– Пройдёмте, Сергей Александрович. Я сделал объявление, сейчас студенты соберутся.

Они поднялись на четвёртый этаж. Нужная аудитория находилась сразу слева. Обе двустворчатые двери были открыты, рядом, побрякивая ключами, дожидался охранник.

– Вы тоже можете остаться, – проходя мимо, сказал Голдин.

Аудитория была просторной. Парты на двоих расставлены в семь рядов. Больше сотни человек точно могли поместиться – на случай аншлага.

Следователь направился вдоль средних рядов к доске, где обычно выступают преподаватели.

Стали подтягиваться студенты. Занимать места они начали с крайних парт, ближе к выходу. Логика известная: если здесь будет мутотень, останется возможность для быстрого и бесшумного выхода из аудитории.

Голдин взялся протирать доску, на которой сохранились остатки формул. За спиной он слышал перешёптывание – с любопытством, недовольством, беспокойством.

Когда он закончил с доской и повернулся, большая часть пар была уже занята, хотя первые места по большей части оставались свободными. Сесть прямо напротив следователя решилась та самая маленькая девушка – Софочка, за которую переживал профессор.

Она вела себя скованно. Ей явно было некомфортно, однако выбрала она именно это место. Вполне возможно, что девушка всегда здесь сидит, но появление незнакомого человека её насторожило, как и многих других студентов. Хотя, учитывая домашнее насилие, о котором говорил Вишняков, она может быть всегда такой напряжённой.

Голдин прошёлся взглядом по другим рядам, чтобы ослабить подозрение Софочки и проявленного именно к ней интереса. Но потом, как бы невзначай, снова задержал на ней свой взор. У девушки был слишком плотный макияж, а под ним уставшее лицо с бледно-жёлтыми разводами. Каким подонком надо быть, чтобы приложить руку к этому потерянному, но всё же милому личику.

Следователь упёрся руками в кафедру, шепот постепенно начинал стихать.

– Не переживайте, надолго я вас не задержу. Уже через несколько минут вы сможете продолжить свои дела и разговоры, – последние слова он сказал в абсолютной тишине. *Гробовой тишине.*

Добившись нужного результата, следователь продолжил:

– Меня зовут Сергей Александрович Голдин, – повернувшись к доске, он быстро написал своё имя крупными буквами, чтобы было видно на галерке. – Я старший следователь следственного комитета. Думаю, что вы в курсе, почему я здесь.

Голдин прошёлся по лицам студентов – *да, они были в курсе.*

– Две недели назад была убита студентка Ксения Гудкова. Вы её знали лично или видели в коридорах между парами. Сегодня утром было обнаружено тело другой студентки – Елены Смирновой, она училась на втором курсе.

Аудиторию наполнил тревожный гул. Голдин смотрел на лица студентов. Возможно, кто-то знает значительно больше, чем сказал он. Не исключено, что среди десятков глаз есть глаза убийцы.

– Я прошу всех, кто был близко знаком с Еленой, а также тех, кто обладает какой-либо информацией, которая может помочь следствию, остаться в аудитории. Также можно позвонить мне по телефону, когда будет удобно, но не тянуть со звонком. Информация, повторюсь, может быть важна для следствия, – Голдин написал таким же размашистым почерком свой мобильный номер. – Девушек я прошу быть крайне осторожными. Пока не заводить знакомств и помнить о своей безопасности. Если вы начнёте подозревать кого-либо в этих убийствах, не делайте попыток вести самостоятельное расследование и поймать преступника. Позвоните мне. У меня всё. Вопросы?

Тишина. *Гробовая тишина*. Её нарушил тоненький голосок Софочки. Она сильно побледнела, впрочем, как и многие другие студентки. Ведь убивают девушек с их факультета! И кто знает, что на уме у маньяка?

– У следствия уже есть подозреваемые?

Присутствующие замерли в ожидании ответа.

– Мы отрабатываем все версии. И обязательно возьмём преступника, – он посмотрел на Софочку, потом прошелся взглядом по другим студентам. – А пока он не в наручниках, ещё раз призываю не делать опрометчивых поступков и думать о своей безопасности.

Студенты начали записывать его имя и номер телефона – то ли по привычке конспектировать всё, что есть на доске; то ли действительно полагали, что им понадобится мобильник следователя.

Одна из студенток – за предпоследней партой у окна, в паре метров от стоящего между длинными жалюзи профессора, грызла ручку, словно обдумывая: записать или не записать номер. Она может что-то знать, интуитивно решил Голдин. Надо её не упустить.

Девушка не стала ничего записывать, убрала тетрадь и ручку в сумку. Направилась к выходу, где образовывалась «пробка». Тут ей позвонили. Взмахнув пышным каре, она поднесла мобильник к уху и направилась обратно к окнам, где было потише. Левую руку она засунула в задний карман, немного задрав бежевый вязанный свитер. Разговор продолжался недолго.

Нажав «отбой», девушка посмотрела на «пробку», подумала и сфотографировала доску с Голдиным на её фоне, после чего резким шагом направилась к выходу.

Следователь не мог сразу последовать за ней. К нему подошли несколько студенток. Софочка оставалась на своём месте, периодически оглядываясь на столпившихся у дверей.

– Скажите, а правда, что студенток душили?

– Девушки, не провоцируйте меня раскрывать подробности и ход следствия. Будут кошмары сниться. Лучше скажите: вы были знакомы с Еленой? Видели её вчера?

– Она на втором курсе училась. Вроде ничё такая девчонка, – жуя жвачку, ответила одна из студенток – с темными волосами, убранными в хвост. – Мы сами с первого курса.

– А, так это вы вчера вечеринку устраивали? И сегодня уже в университете? – удивился Голдин.

– А вы откуда знаете про вечеринку? Хотя – вы же следователь, всё знаете.

– Где гуляли?

– В «Острове».

– Говорят, второкурсников приглашали.

– Ага. Лена, кстати, там была.

– В чем она была одета?

– Какой-то светлый свитер. Голубой, кажется. И чёрные брюки.

– Куртку и сумку не заметили?

– Сумочка чёрная, маленькая, она ещё ремешок через голову перекинула.

Значит, сумочка не упала случайно, её сняли.

– А куртка?

- Не видели.
- Она общалась с кем-нибудь?
- Да, с Васькой Порышевым, который и организовал тусу.
- И все?

Девушка пожала плечами.

- Всё-таки мы сами тусить приехали, а не за второкурсниками наблюдать.
- Чего ж тогда с утра пришли? Сейчас отсыпаться должны.
- Родители сказали до одиннадцати вернуться, – студентка скривилась. – Не разрешили остаться. Прямо будто мы маленькие. Пришлось возвращаться на самом интересном месте.

«Какие мудрые родители», – подумал Голдин:

- Не обратили внимание, Лена ещё оставалась?
- Нет, не обратили. Говорю же, не следили.
- Ваши главные тусовщики-затейники остались с ночевой?
- Точно не знаем. Но наверняка да. Они ж дом на сутки снимали, и сегодня их нет.
- Откуда столько денег у студентов? – прикидывая расценки турбазы, спросил Голдин.
- Вскладчину тусили, вход был по 500 рублей. Человек сорок точно было. Думаю, что отбили первоначальные инвестиции.

- У вас случайно нет его номера?

Девушка с хвостиком достала мобильник, в телефонной книжке нашла нужный номер и повернула к следователю экран. Тот быстро переписал цифры.

- Весьма благодарен. И ещё ваш телефон: вдруг появятся дополнительные вопросы.

Девушка послушно продиктовала. Софочка напряженно сидела, внимательно слушая весь разговор и боясь пошевелиться.

Когда первокурсницы ушли, Голдин подошел к ней:

- Привет. Мы ещё раньше встречались сегодня, – Софа подняла на него глаза, выражение которых он не мог определить. – Ты знаешь, о тебе очень беспокоится профессор. И я бы порекомендовал принять его помощь. А ещё пойти в полицию и написать заявление. Нельзя всё держать в себе.

Софа ничего не сказала. Впрочем, Голдин и не ожидал ответа, он неспешно направился к выходу. Сидевшая студентка ещё несколько минут находилась неподвижно. После этого достала тетрадь и на самой крайней странице записала номер и имя следователя мелким, но понятным ей почерком. Чтобы не бросалось в глаза другим людям.

Следователь спустился по лестнице, заглядывая в коридоры на каждом этаже. Он искал ту симпатичную студентку с пышным каре. Коридоры оказались пустыми. На втором этаже он повернул в сторону столовой и буфета. Несколько столиков были заняты, но девушки здесь не было. Оставалось ещё одно многолюдное место – библиотека.

На первом этаже Голдин повернул в нужную дверь. Несколько студентов стояли в очереди у «прилавка» с книгами. В зале собралось несколько групп. Следователь медленно прошёл мимо каждой из них. Парни и девушки замолкали с его приближением, вопросительно смотря на Голдина.

Пока он смотрел на сидящих, не заметил, что за спиной появилась та самая симпатичная девушка с пышным каре. Она его сразу увидела и поняла, что он кого-то ищет. Шестое чувство подсказало, что ищет именно её. Единственным правильным выходом она посчитала сбежать.

Девушка с пышным каре быстрым шагом направилась к гардеробу. Кровь пульсом долбила по вискам, ударами повторяя слова одного и того же вопроса: *КАК ОН ДОГАДАЛСЯ, ЧТО Я ЗНАЛА О РОМАНЕ?*

Глава 2. Тайный отец

У Ксении Гудковой, красавицы и умницы с третьего курса, был тайный роман. Две недели назад Голдин находился дома у убитой, рядом с её родителями, когда позвонил Мирон Степанович Триницкий:

– Слушай внимательно, – начал судмедэксперт. – Начал я осматривать нашу девочку, и выяснилось, что её живот распорот железкой с острым концом. Словно безумный росчерк. Или цифра «2». Или буква «Z». Сам потом посмотришь. И еще выяснилось, что девушка беременна была. Срок маленький, предварительно – около четырех недель, может, чуть больше. Возможно, что она не догадывалась о своём интересном положении. Обычно спохватываются позже, если ребенок не планировался.

– Понял, спасибо.

Голдин повернулся к отцу, тот явно пытался услышать, что сказали следователю по телефону. Тот убрал мобильник в карман, сел на кровать и посмотрел в глаза Савелию Матвеевичу:

– Ваша дочь была беременной.

Судя по растерянному взгляду, отец об этом не знал. Он повернул голову налево, в дверях стояла жена, обхватив себя руками. Они молча смотрели друг на друга, потом отвели взгляд.

– У неё кто-то был?

– Был, – не поднимая глаз, ответил Савелий Матвеевич. – Я настаивал на знакомстве, но она отмахивалась: мол, всему своё время. Лишь заверила, что человек он во всех смыслах приличный и порядочный, не уголовник.

– Может, женат? – спросил следователь.

Отец задумался:

– Может, и женат. Не знаю, – он отвел глаза. – Но точно с ним неладно. С чего бы дочь стала прятать приличного человека? Мы не запрещали ей встречаться с парнями. Она девушка красивая, зачем ей в девках сидеть?

– Давно продолжался роман?

– Мы в июле заметили. Может и раньше всё началось. Кто знает – или романтика это была, или радость от отлично сданной сессии, – вздохнул родитель. – Вы думаете, это он с ней сделал?

– Не знаю. В любом случае нужно выяснить, кто отец ребенка.

Отец закрыл лицо руками и затрясся от слез.

– Боже, боже, почему ты всё скрывала от нас? Какой изверг с тобой это сделал?

Голдин ждал, когда отец успокоится.

– Мне придется забрать ваш ноутбук. И ещё. Скоро приедут наши специалисты. Необходимо осмотреть комнату, вещи вашей дочери. Всё может быть гораздо серьезнее.

Оставив дома безутешных родителей, Голдин вышел на улицу и набрал знакомый телефон пресс-секретаря следственного комитета Евгения Вдовина. Тот не торопился отвечать. Видимо, опять по городскому любезничает с симпатичными журналистками.

Гудки шли, пока металлический женский голос не сообщил о том, что абонент в настоящее время не может ответить.

Голдин закурил. Бросать надо это дымное вредное дело. Лёгкие уже с трудом выносят беговую дорожку и другие физические нагрузки. И вечная вонь от одежды.

Жена Ольга любит выбирать дорогой парфюм. Но его запах уже через час заглушает аура «табачной фабрики». Да и экономия, опять же. Сколько? Тыщи три минимум. Можно жену

лишний раз на свидание в ресторанчик сводить. Хм... Лишний раз! Вообще-то сводить, когда он это делал в последний раз?

Эти мысли Голдина регулярно посещали в последние полгода. Он несколько раз пытался бросить курить и каждый раз терпел фиаско. Утром без привычного дыма с кофе хотелось кого-нибудь убить. И мозги без перекура словно отказывались соображать. Опять же общение. Короче, каждый раз находились оправдания, почему нельзя оставлять вредную привычку.

В кармане начал резво вибрировать телефон – звонил Вдовин:

– СерСаныч, привет. Телефон в кабинете оставил. Есть новости по девушке? Журналисты уже начали одолевать.

– Хорошо, что начали. Я тебе фотографии отправил. Строчи релиз. Во-первых, девушку могли видеть в последний день. Во-вторых, пропала её сумка. Может, кто-нибудь нашёл. К городским телефонам добавь мой мобильник. И сделай оперативно.

– Окей. Фото вижу, сейчас займусь.

Голдин закончил разговор и набрал номер, написанный на листке, – подруги убитой Анны Николаевой.

Догадки Голдина подтвердились: никаких походов на дачу, девчачьих ночёвок у Ксении не было. Подруга знала, что у неё роман, всё серьезно. Но убитая не говорила, с кем встречается.

В университете за ней пытались ухаживать сокурсники и ребята постарше. Она же такая красивая, весёлая, лёгкая – не только по комплекции, но и по характеру. Такие девушки, в отличие от загруженных своими проблемами, всегда привлекают внимание мужчин.

– Были ли из кавалеров такие, чтобы связь с ними лучше сохранять в тайне?

– Я думала об этом. Единственный, кто приходит на ум, – Роман Старицкий, «мажор» с пятого курса. Он на экономическом учится, в нашем же корпусе.

– Сын того самого Старицкого?

– Ага.

Евгений Павлович Старицкий был известным бизнесменом. Начинал работать в доле. Набравшись опыта, стал крутиться самостоятельно. Постепенно появились магазины, турбаза, пара клубов и ещё столько же кафе. Позже он занялся машинами. Недавно перерезал красную ленточку у новой платной клиники. По слухам, собирался войти в строительный бизнес, осчастливив город новым микрорайоном.

В общем-то бизнесмен как бизнесмен. Находят, конечно, нарушения, но все вопросы разрешаются полюбовно. Ну и слухи, что первоначальный капитал из лихих 90-ых. Однако спустя десятки лет он слыл приличным человеком.

О сынуле Голдин тоже слышал. Драки и дебоши, пьяные гонки, попытки дать взятку преподавателям... По повадкам – одним словом избалованный «мажор». Только его в деле не хватало, вместе с отцом и их властно-денежным духом.

– И серьёзно у них было?

– Не знаю. Видела однажды, что Ксюша садилась к нему в машину. У него приметная точила, не спутаешь.

– Давно?

– Ещё на каникулах, в августе. Я случайно встретила их, они меня даже не заметили. Сначала о чём-то болтали, потом сели и уехали. Я потом в шутку попросила рассказать про кавалера, Ксюха только фыркнула. И что-то поучительное задвинула: мол, личная жизнь потому и называется личной, что не надо о ней болтать.

– Она знала о беременности?

– Что-о? Беременности?!

- Понятно. Если знала, вам не сказала.
- Получается так, – вздохнула подруга.
- Ксюша вообще скрытная была?
- Скрытной её не назовешь. Но умела держать язык за зубами.

До «мажорной» семьи Голдин добрался только вечером. Он курил, приоткрыв стекло у машины, настраиваясь на разговор с Старицкими. Уже представлял, как старший выставит стену адвокатов для себя и сына своего.

Пашка успел «пробить» Старицкого-младшего. Того любили девушки, а он любил погулять. Не раз засвечен в скандальных историях, но дело до суда не доходило – спасибо папе и его армии высококлассных юристов.

Одна история особенно его привлекла. Прошлой осенью Роман избил девушку, которая отказалась с ним встречаться. Той надо было сразу сказать своё решение, однако она решила подразнить парня, «развести» его на дорогие подарки.

После пары колечек заявила, что Роман не в её вкусе. Старицкий-младший – парень вспыльчивый, и это в полной мере почувствовала на себе несостоявшаяся пассия. Но сумма морального ущерба заставила её забыть обо всём и замолчать. Как бы он себя повёл, если бы речь касалась ребенка?

Чего сидеть-гадать? Надо идти – хоть с щитом против двух танков.

Дом, где жили Старицкие, находился в историческом центре. Элитная постройка из красного кирпича была защищена крепким забором. Голдин набрал нужный номер квартиры. Домофон, установленный у железной решётчатой калитки, начал тихо пиликать, отмечая гудки.

- Слушаю, кто говорит? – ответил женский голос. Жена? Домработница?
- Старший следователь Голдин. Нужно поговорить с хозяевами.
- Минутку, – женщина отлучилась, видимо, до Евгения Павловича.

В ожидании Голдин облокотился локтем на калитку, положив голову на ладонь. Он смотрел по окнам. Были видны лишь красивые шторы и потолки с усеянными лампочками, каскадами, массивными – как в музее или театре – люстрами.

Интересно, как живет в таких домах? Спокойно? Роскошно? С чувством пупов земли? Или всё, как и в других домах и обычных семьях, только «сцена» для домашних сцен побольше, чем у большинства людей?

– Первый подъезд, шестой этаж, – послышался тот же женский голос, после чего домофон пискнул, приглашая пришедшего зайти внутрь.

Голдин не стал придерживать калитку – специальный механизм её аккуратно закроет, и направился к подъезду слева, глазами отсчитывая этажи. Свет горел за занавешенными серыми шторами и голубоватым тюлем, за которым виднелась россыпь огоньков на потолке.

Следователь открыл массивную дверь. Да, подъезды здесь более просторные, чем в привычных типичных планировках. В холле с бледно-серой покраской стоял ухоженный фикус, за ним были видны бледно-серые почтовые ящики. Неслышно подъехал лифт, гостеприимно распахнув зеркальную поверхность. Голдин нажал кнопку «6», которую словно только вчера установили.

Неслышно и легко зеркальный подъемник доставил Голдина на нужный этаж.

Дверь открылась, когда следователю оставалось дойти пару шагов, словно за его приходом наблюдали. На пороге стояла женщина в симпатичном черном платье с широким мягким поясом.

– Проходите, – открывшая дверь не сочла нужным представиться, но указала на комнату справа.

Комната – оказалась той самой, с голубоватым тюлем и освещением, по яркости затмевающим операционную. Практически весь пол занимал толстый синий ковер. Напротив гигантского кожаного дивана был установлен неприлично гигантский телевизор. «Простенько, но со вкусом», – подумал Голдин, ступив на мягкий ковер.

Посередине дивана сидел хозяин – Евгений Павлович. Левую руку он закинул на спинку дивана, в правой держал стакан из толстого стекла с коричневой жидкостью. Непременно виски, непременно дорогой. На прозрачном журнальном столике лежали пульты и телефон.

Телевизор бубнил новости. Канал российский, зато события – сплошь про Америку и Москву, будто о нашей необъятной нечего рассказать.

– Добрый вечер, – поздоровался хозяин.

– Добрый. Я старший следователь Голдин Сергей Александрович, – на раскрытое удостоверение Старицкий посмотрел мельком.

– Присаживайтесь, – хозяин указал на место слева, спиной к входу в комнату. Неудобная позиция, хотя нападения гость не ждал.

– Вера, – чуть громче сказал он, за спиной почувствовалось едва уловимое колебание. В отражении окна, за своей спиной, Голдин увидел женщину в чёрном. – Вам чай, кофе, что покрепче?

Голдину не хотелось ничего. Но чашка кофе автоматически продлевает разговор, так что нельзя отказываться.

– Кофе, покрепче.

– Я тоже раньше всё кофе да покрепче. В молодости, пока на стартапе, как говорят сейчас, работал, – ни выходных, ни отдыха. Семью почти не видел. Сейчас могу позволить себе расслабиться, – хозяин сделал маленький глоток из массивного стакана. – Вы из-за девушки приехали?

– Да...

– Новости, – опережая вопрос, ответил Старицкий-старший, кивнув в сторону телевизора. – Не только западное полушарие с утра до вечера по телевизору гоняют. Местные тоже успевают втиснуться со своими эфирами. А о Ксении наши сегодня говорят весь день.

Старицкий-старший снова сделал глоток. Голдин ждал продолжения, надо выслушать, что хочет сказать хозяин. За спиной снова почувствовалось едва уловимое колебание. Женщина в чёрном пришла с подносом, на котором стояли чашка с кофе, сахарница, кувшинчик со сливками, вазочка с печеньем.

– Благодарю, – сказал Голдин, женщина в чёрном оставила это без ответа.

Расставив принесённые кофейные принадлежности на столике, она вопросительно посмотрела на хозяина.

– Нет, мне ничего не надо, – Старицкий едва махнул рукой, после чего женщина скрылась.

Хозяин продолжил смаковать виски.

– Когда я узнал об убийстве, то понял, что ждать нам сегодня гостей с удостоверениями, – продолжил хозяин. – Роман крутил роман с Ксенией. Хотя чёрт их разберет – что там на самом деле и насколько серьезно. Возраст такой, что гормоны скачут, а в башке ветер. Сегодня Ксюша, завтра Настюша.

– У них был повод скрывать свои отношения?

Бизнесмен задумался:

– А смысл? Со мной, конечно, знакомство получилось случайным. Я как тот муж нежданный из командировки, только с работы. И застал не жену с любовником, а сына с девицей. Рыжие, зеленоглазые – они ж все ведьмы. И мой не устоял. Хотя на гулящую она не похожа. И умненькая... была. Мы о чем-то поговорили, глупостей девчонка не несла, как это обычно бывает при чрезмерном желании угодить, понравиться и блеснуть, – Старицкий громко усмех-

нул, – интеллектом. Одна из Ромкиных красав, помню, в Европу мечтала съездить. Знаете, куда? На Бали. В Европу – на Бали! – хохотнул хозяин. – Я сказал, что #сказочноебали ей и здесь могут устроить. И пообещал купить в подарок глобус. Так эта курва ещё и обиделась, – бизнесмен снова пригубил. – Ксения была при мозгах. Странно, что они вообще с Романом спелись, нда. Чем они там за закрытыми дверями занимались – я не караулил, свечи не держал, своих пасти и докладывать не просил.

Хозяин снова пригубил виски:

– Ромка давно самостоятельный. Я ему небольшую должность ввёл, чтобы учёбу раньше времени не забросил, но чувствовал себя добытчиком... А с Ксеньей они расстались быстро: что летом началось, летом и закончится.

– Как вы узнали о разрыве?

– Сам сказал. И по поведению было ясно, что он снова парень свободный.

– Ксения беременна была, чуть больше четырёх недель.

Хозяин повернулся к следователю, обдумав услышанное. В этот момент за спиной пронёсся вихрь.

– Как?! – в окне Голдин увидел высокого, как и он сам, широкоплечего парня.

– Тебя учили, что подслушивать нехорошо? – осадил его отец.

– Но это касается меня, а не тебя, – зло ответил сын.

– Я бы тебя позвал.

– А я, не дожидаясь приглашения, сам пришёл.

«Вот тебе и современные отцы и дети», – подумал Голдин, не вмешиваясь в семейный конфликт.

– Ты знал о ребенке? – спросил Старицкий-старший.

– Да нет же! – прокричал сын. – Это мой ребенок... был?

– Не знаю, – пожал плечами следователь. – Нужно сделать ДНК-экспертизу.

– Нужно – значит, сделаем, – твердо заявил сын.

– Как хочешь. Ты парень взрослый, сам отвечаешь за свои поступки, – многозначительно сказал Старицкий-старший, видимо, намекая на предыдущие и будущие подвиги.

– Почему вы расстались?

– Это сложно объяснить, – Роман обошёл диван и плюхнулся напротив Голдина, по правую руку от отца. – Ксюха была такая – красивая, живая, секси. Парни, естественно, подкатывали к ней. Я тоже при случае... обращал на неё внимание. Но всё несерьёзно. А закрутилось у нас на вечеринке по случаю окончания года. Совпало, что в клубе на Путиловцев гуляла их компания и наша. Сначала танцевали, потом я предложил покататься. Оба пьяные, весёлые. Но тогда я её просто отвез домой. Вообще, я заметил, что она очень домашняя девушка. Никаких «поехали к тебе до послезавтра».

На следующий день я позвонил, сходили в кафе, погуляли, ну и не только. Потом меня в командировку отправили некоторые, – младшей посмотрел на старшего, – на неделю. Перекидывались sms-ками. Я ей даже не совсем приличные отправлял. Снова повстречались немного, и я опять уехал. А когда вернулся, она отнекиваться начала. Ну я не понял, с чего вдруг так быстро завяли помидоры. Может, думаю, я с сообщениями переборщил?

Отец усмехнулся.

– Через несколько дней мы снова встретились. Она рассказала, что собирается делать статью в научный журнал, работы очень много. И, пока пёрло, не отвлекалась ни на что. У меня не было причин ей не доверять. О том, что она чекан/тая на своей математике, я и так знал.

Так и встречались изредка летом, между её наукой. Она, конечно, была горячая штучка. Но делить девушку с книгами мне надоело. Перед первым сентября мы встретились с Ксеньей, она предложила устроить прощальный секс и остаться друзьями. Я согласился. Отношения у нас были странными: ни веселья, ни перспективы. Смысл их было продолжать?

- Как Ксения относилась к детям? Затрагивали тему её возможного материнства?
- Она уходила от разговоров. Говорила, что нужно быть счастливым сегодня и наслаждаться тем, что есть. А раз не поддерживала тему свадеб – другая бы клешнями впилась – значит, точно никаких перспектив. Расстались, я нашёл уже новую подругу.
- После этого виделись с Ксенией?
- Ну да, мы же в одном здании учимся, иногда встречались.
- Как думаете, как бы она повела, если бы узнала, что беременна? Сообщила бы вам об этом?
- Не думал об этом. Может, и сообщила, если бы была жива.
- А как бы вы отреагировали, если бы она где-то через месяц явилась с таким известием? У вас ведь новые отношения появились.
- Не знаю, как бы отреагировал, – Роман задумался. – С Машкой, наверное, порвал. Она, конечно, весёлая, зажигалочка. С ней хорошо потусить, но не жить.
- Отец снова усмехнулся – мол, хоть это-то сын понимает, уже хорошо.
- А Ксюхе бы жениться предложил. Она хоть и со своими математическими тараканами, но больше на жену походит. От книг бы постепенно отвалил.
- Хорошо. А как бы ваша Мария отреагировала на всё это?
- Рома насупился:
- Она ревнивая, жуть просто. Однажды вилкой пыталась бампер пробить, потому что я лыбился другой... Думаете, это...?
- Скажите, что вы делали вчера вечером и ночью? – продолжил вопросы Голдин.
- В выходные уезжали на горячие источники, вернулись с Машкой поздно, она подтвердит. Ночью спал как убитый.
- «Хлипкое алиби», – одновременно отметили и следователь, и отец.
- На воротах камеры есть. Записи помогут? – уточнил отец.
- Да, буду благодарен, – кивнул Голдин.
- Я попрошу ребят не быковать.
- А я попрошу пока не уезжать из города, – следователь встал. – Спасибо за гостеприимство и за разговор.
- Девочку правда жаль, – не вставая с дивана, ответил Старицкий-старший. – Но сын *здесь* не при чем, я лучше полиграфа вижу. Найдите того, кто это сделал.

Через день в кабинет Голдина деликатно постучали. Дежурный привел двоих. Мужчина, явно отец, будто в последнюю секунду отпустил шкирку сына.

– Вот, своего охламона к вам привёл. По всем новостям про этот рюкзак. Но он не воровал, нашёл, – пояснил отец. – У него и так два привода за кражи. Ещё третьей ходки не хватало.

Следователь жестом предложил занять стулья у его рабочего стола и внимательнее посмотрел гостей, особенно на младшего. Охламон был «безвозрастной» – бледный, маленький, худой. Ему можно было дать и 18, и 25 лет. Перепуганный, хотя больше боялся отца. Вряд ли убийца, кишка тонка.

Отец с сыном присели на отведённые места. Голдин поднял табличку-стойку со своими ф.и.о. и должностью.

- Анатолий Степанович Курамов, слесарь в ЖЭКе, – представился паренёк.
- Теперь рассказывай.
- Да рассказывать-то нечего. Я на работу пошёл с утра. Дворник заболел, пришлось подменить. Смотрю – возле мусорки у магазина рюкзачок лежит. Странно, думаю, вроде не рваный, не потрёпанный. Взял посмотреть.
- Как он лежал? Будто аккуратно поставили или бросили?

– Скорее бросили, может, даже из машины, дорога-то совсем рядом, асфальта чуть больше метра. Рюкзачок на ступеньках лежал, полубоком.

– Напиши название и адрес, – Голдин дал листок с ручкой. Парень принялся писать.

– Только я номер дома не знаю. Схему нарисую, найдёте. Там табличка такая с белыми буквами, что-то на иностранном написано.

Голдин накинуд на пальцы платок и открыл рюкзачок.

– Что брал отсюда?

– Нни... н-ничего, – парень покраснел.

– Наличку из кошелька?

Тот опустил голову.

– Там и брать-то было нечего – всего 250 рублей.

– Опять началось?! – рявкнул отец.

– Я только посмотрел, не брал. Чего мараться-то.

– А рюкзак зачем взял?

– Так всё равно валялся.

– И дальше что хотел сделать?

– Объявление дать, что найден. Документов-то внутри не было никаких. Почем знаю – чейный он. А потом по телеку увидел... И батя увидел – и рюкзак в шкафу, и новости. Вот, привёл меня сдаваться.

– За это большое спасибо, – Голдин посмотрел на отца.

– И что сейчас ему будет?

– Вы о почете и уважении или наручниках и решётке?

Отец промолчал.

– Если всё правда, то ничего не будет. Камеры проверим в округе, надеюсь, работают.

Голдин взял листочек и посмотрел схему. Вот так совпадение – дом Старицких буквально в квартале от магазина.

Проверили видеозаписи. Как на грех фонарь в этом месте перегорел, видны только очертания чёрного седана, номера не разобрать. Из окна мелькнула рука в чёрной перчатке и что-то выбросила.

Однако записи с камер у дома Старицких подтвердили, что сын приехал поздно и до утра не выезжал. Машина у парня видная. По высоте и посадке без экспертизы ясно, что у магазина была другая.

Отпечатки на рюкзаке не стерли. «Пальчиков» «мажора» среди них не оказалось. По другим сложно определить – или убийцы, или случайных соседей, к примеру, по переполненному автобусу. Выбросивший же был в перчатках.

При обыске в шкафу Ксении нашлось спрятанное бельё, в каком только на свидания ходить.

– Это дорого стоит, – присвистнул молодой следователь Пашка Мерцалов.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил Голдин.

– Хотел подарить своей девушке.

– А чего не подарил?

– Решил, что лучше колечко – недорогое, по акции.

– Согласен. Хотя развратные труселя, как и маленькое чёрное платье, должны быть в гардеробе каждой женщины, – резюмировал следователь.

Единственный богач в окружении убитой был Роман Старицкий. Однако он баловал только цветами. И то дважды: на следующий день после той самой вечеринки, где всё закру-

тилось, и перед прощальным сексом. О существовании чёрного комплекта – смеси кружев, бахромы и дырок – «мажор» не знал.

На белье же нашлась ДНК, но не Старицкого. Такое же ДНК у зачатого ребенка. Кто он, таинственный отец, – пока не было ни единой зацепки.

В распечатке звонков были номера Романа, завкафедрой, подруги, родителей, других студентов (с которыми были чисто дружеские отношения). Плюс номера библиотек, служб различных услуг и прочее.

Проверка ноутбука также не пролила свет. Ксения действительно готовила научную публикацию. И она знала о беременности. Поисковые запросы касались первых признаков, возможности установить срок. У некоторых ссылок цвет заголовков отличался от общей ленты. Под ними была указана дата, когда пользователь заходил по ним – в 20-ых числах. Где-то за неделю до гибели.

...Спустя две недели после выступления перед студентами Голдин не нашел девушку с пышным каре и вернулся на кафедру. Вишнякова вызвали в ректорат.

– Это надолго, – сказала правду или соврала, обидевшись на утреннее, секретарша.

Ладно, в конце концов есть телефон. Можно будет позвонить, узнать, что за девушка.

Голдин направился к выходу. Завёл машину и, пока она прогревалась, закурил на улице. Ему предстоял тяжёлый визит – к родным жертвы. Второй жертвы.

Он затягивался, не чувствуя ни вкуса, ни удовольствия от любимой вредной привычки. Повернувшись к корпусу, построенному еще где-то в 70-ых годах, стал смотреть на окна. Окна были тёмными и пустыми, кроме одного. Светлое пятно-рубашка привлекла его внимание. Секретарша. Она наблюдала за действиями Голдина и была чем-то встревожена.

Еле скрипнула массивная деревянная дверь, и из «аквариума» вышла девушка маленького роста. Голдин узнал в ней Софочку. Она была в чёрном кашемировом пальто, пережившем не один сезон. Но оно выглядело очень элегантно: приталенное, с широким поясом, большими пуговицами, чуть расклешённым подолом. За воротником с округлыми краями спрятана серая косынка, которой студентка прикрыла причёску. На ногах ботиночки на квадратном каблуке. Снова у следователя возникло чувство, что это девушка из прошлого, прибывшая неизвестно на какой машине времени в наши дни. Однако сейчас она направлялась к вполне современной машине.

У темно-синего, почти чёрного, седана иностранного производства студентку ждал здоровяк – *муж*? Тёмно-рыжие волосы торчали в разные стороны, подбородок покрывала противная реденькая борода. Лицо и фигура оплыли. Ожидавший был в простой чёрной куртке с капюшоном, из-за лишнего веса казавшейся маловатой, и серых тренировочных штанах.

Увидев следователя, Софочка чуть замедлила шаг, затем ускорила его. Стремительно, не оставляя возможности её остановить, что-то сказать, студентка направилась к переднему пассажирскому сиденью. Боров перевел недобрый взгляд в сторону Голдина, также внимательно осмотрел его машину, взглянул на номера. Следователь в ответ посмотрел на номера седана, запоминая три буквы и три цифры на них. Регион был указан местный.

Иномарка со странной парочкой направилась к выезду с парковки. Голдин вынул телефон и сфотографировал её. Сам не зная, зачем. По привычке, наверное, фиксировать всё во время расследований.

Выбросив окурок, Голдин сел в тёплый салон и набрал номер Паши Мерцалова.

– Слушай, узнать надо о водителе машины, сейчас фотографию тебе перекину, – Голдин продиктовал номер, на случай, если на снимке он расплылся, как хозяин тачки.

– Кто он – подозреваемый?

– Пока он подозреваем в избиении жены, которая меньше его в два или в три раза.

– Подонок, – с осуждением сказал Пашка и дополнил больше разочарованно: – Всё понял.

Следак, конечно, жаждал бурной деятельности. У него были молодость, горячая кровь, пылкий темперамент и нормальное желание отправить всех негодяев за решётку. Причем, сделать это как в крутом кино, чтобы почувствовать себя героем после каждого уголовного дела. Но пока новичку в основном приходилось выполнять поручения матёрого коллеги. Ничего, всё успеет, подумал Голдин и плавно нажал на газ.

Глава 3. Наследница таланта

Семья Смирновых жила в «сталинке». Просторную квартиру с высокими потолками здесь получил дед Степан Александрович за почести в качестве известного учёного, приложившего свою гениальную руку не к одному крупному городскому проекту в период его советского расцвета.

За свой вклад Смирнов заслужил титул почётного гражданина и хоромы в самом центре. Ни о каких разменах титулованный дед и его супруга не хотели слышать. Так и жили – три поколения под одной крышей.

На единственной дочке талант отдохнул, чтобы в полной мере наградить им внучку Леночку. С детского сада стало понятно, что ребёнок одаренный. Дед не смотрел на возраст девочки, вместо обычных сказок читал книги о великих учёных, их судьбах и изобретениях.

Леночка всерьёз увлеклась наукой. Жадно читала не детективы с романами, а научную литературу. Вечера проводила не на скамейке с семечками в компании сверстников, а в жарких дебатах с дедом, суть которых понимали только они вдвоём.

Бабушка когда-то преподавала русский язык и литературу. Мать устроилась в качестве менеджера среднего звена, выйдя замуж за коллегу. Вся семья буквально молилась на юное светило.

Девочка выигрывала одну за другой олимпиады и конкурсы по точным наукам, уверенно закончила школу с золотой медалью. И в университете получила бы красный диплом, если бы её жизнь не оборвалась.

Двор у «сталинки» был не закрыт заборами и шлагбаумами, и в выходной день даже оказалось свободное место под окнами. Не только москвичам знакома проблема парковки у подъезда, но и в развивающейся провинции. Голдин выключил зажигание, несколько секунд посидел, держа руки на руле. Напоследок с силой сжал тёмно-серый круг.

Щёлкнув ремнем, выбрался в объятия октябрьской стихии, пытающейся заранее сдать сдачи за плохие вести, которые он снова нёс. «*Чёрный ворон*» – пришла на ум застольная печальная песня.

Звонить в домофон снова не пришлось. Из подъезда вышли два ребёнка лет восьми и с весёлым смехом побежали на детскую площадку, чуть не врезавшись в незнакомого дядьку.

Нужная квартира находилась на четвёртом этаже. На лестничной площадке Голдин прислушался: за дверью ни звука. Последние секунды хозяева живут прежней жизнью. *Чёрный ворон...*

Он поднёс к звонку палец, но нажать не успел. Дверь резко распахнулась. На пороге стоял дед. В фланелевой рубашке, словно только из-под утюга, трикотажных брюках, черных домашних тапочках.

– Ты кто? – строго спросил дед.

– Следователь Голдин, Сергей Александрович, – визитёр развернул удостоверение. Если дед и понял, по какому поводу он пришёл, то не выдал эмоции ни единым мускулом. Однако дверь открыл шире, тем самым приглашая зайти.

Обстановка в «сталинке» была вполне современная. Что бросилось в глаза, так это обилие книг. Стеллажи до потолка были расставлены по всей квартире. Голдин подумал, что их соорудили по очереди: когда полки набивались литературой, заказывали новый.

Закрыв дверь за спиной следователя, хозяин потребовал:

– Говорите.

– Внуку вашу, Елену Смирнову, нашли утром у реки.

Дед смотрел в глаза следователю. Он не сказал ни слова. Но его лицо словно осунулось, посерело на глазах.

В глубине квартиры слышалась возня и торопливые шаги. В прихожую вышла полноватая женщина с признаками бессонной ночи на лице. С визитёром она не поздоровалась. Посмотрела на отца:

– Пап... Пап!? Пап!!! – женщина стала его трясти, интуитивно понимая, что произошло непоправимое. – Что произошло?! – из глаз дочери полились слезы.

Дед оставался на том же месте, продолжая смотреть в глаза Голдину. Дочь повернулась и с болью глянула на следователя. Он виноват. Хотя бы в том, что принёс дурную весть в дом. Столько лет он на службе, но никак не мог освободиться от этого чувства вины.

Голдин молча стоял, дед продолжал смотреть ему в глаза, ища ответы на свои вопросы – как? почему? за что? какая сволочь лишила жизни его любимую внучку, будущего гения, способного прославиться в мировых научных кругах? Дочь пыталась растормошить отца, ненавидяще смотря на человека, лишившего их последней надежды.

– Проходите, – сипло сказал дед, бодрый с нотками строгости голос осип. – Иди к матери, – строго сказал он дочери.

Женщина убрала руки от плеч, оставив на рубашке вмятины от пальцев, и тихо завывала. Поняв, что ничего не добьётся от отца, она отправилась в глубину квартиры.

Если в коридорах и комнатах стеллажи с книгами занимали часть пространства, то в кабинете библиотека располагалась по периметру. Два кресла были повернуты к окну. Наверное, здесь дед и внучкой проводили много времени.

Сразу за спинками располагался рабочий стол. В центре, как положено, стоял один стул, рядом придвинут второй. Свободное от монитора, принтера, сканера место занимали книги, распечатки, расчёрканные листки.

Где-то за дверью слышался звон посуды, женский плач. Хозяин на негнущихся ногах подошёл к столу, уперся ладонями в столешницу, смотря на листки, как в первый раз. Или в последний. Голдин не торопился. Дед мужественно вынес известие, однако следователь боялся, сможет ли справиться с горем сердце.

Известный ученый сел в центре стола, указав рукой на второй стул. Провел пальцами по исписанным явно женской рукой листкам. Закрыв лицо руками, плечи затряслись от рыданий.

Через несколько минут пожилой родственник убрал ладони от глаз, со всей злости ударив кулаками по столешнице. Голдин вздрогнул от неожиданности, за стенкой прекратился плач. Дверь в кабинет скрипнула – дочь или жена решили убедиться, что с главой семьи всё в порядке.

– Как это произошло? – спросил дед, на глазах постаревший на целый век.

– Предположительно её задушили. Тело («выброшено») оставлено на берегу реки, на диком пляже.

Дед обдумал услышанное.

– Возможно, действовал серийник.

– То есть?

– На спине были раны. Две полосы, сделанные предметом с острым концом, – Голдин достал блокнот из внутреннего кармана и на чистой странице нарисовал – как располагались линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.